

**А. Е. ЧИЧИБАБИН И В. Н. ИПАТЬЕВ —
ТРАГИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ ***

В канун Нового 1937 года проходило Общее собрание Академии наук СССР, принявшее 29 декабря постановление о лишении А. Е. Чичибабина и В. Н. Ипатьева званий академиков [1]. Неделю спустя, 5 января 1937 г. Центральный исполнительный комитет Союза ССР за подписью «всесоюзного старосты» М. И. Калинина лишил бывших академиков советского гражданства как отказавшихся выполнить свой долг перед родиной. Им навсегда был запрещен въезд в пределы СССР. «Имена господина Чичибабина и господина Ипатьева,— писала «Правда» в передовице «Недостойные гражданства СССР» 6 января 1937 г.,— получили широкую, но печальную известность после того, как были исключены из действительных членов Всесоюзной Академии наук. Оба они — старые ученые, получившие профессорские звания еще до революции. По своим взглядам и навыкам они принадлежали к миру капиталистической наживы. Наука была для них источником дохода. Капитализм пригнул их, как полезных слуг и они были ему благодарны (...). Чичибабин и Ипатьев показали, что они не умеют и не хотят честно относиться к общественному долгу. Они не хотят отдать свои способности социалистической родине. Они предпочли за высокую плату отдать свои способности капиталистическому обществу».

Выдающиеся химики, первыми из советских ученых удостоенные научной награды — премии имени В. И. Ленина, авторы классических работ по химии, организаторы отечественной химической промышленности и активные участники химизации народного хозяйства СССР — и они же «невозвращенцы», отказавшиеся вернуться на родину, «продавшись империалистам за тарелку чечевичной похлебки». Сложные, противоречивые и трагические судьбы! Сейчас мы располагаем рядом неизвестных ранее документов, позволяющих раскрыть причины отъезда Чичибабина и Ипатьева за границу, показать всю чудовищную лживость и нелепость выдвинутых против них обвинений.

* Работа выполнена при поддержке Международного фонда «Культурная инициатива».

А. Е. Чичибабин — студент 1-го курса Московского университета (1888 г.). Публикуется впервые

В автобиографии, написанной в мае 1908 г. в связи с участием в конкурсе на замещение вакансии в Московском техническом училище (ныне Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана) Чичибабин сообщал о себе, что «родился в Полтавской губернии Зеньковского уезда, в местечке Куземине в 1871 году. В 1879 году поступил в подготовительный класс классической гимназии в г. Лубны Полтавской губернии, которую и окончил в 1888 году. В том же году поступил в Московский университет на физико-математический факультет по отделению естественных наук. Окончил университет в 1892 году с дипломом первой степени. По окончании курса работал некоторое время в качестве практиканта в химической лаборатории Московского университета. В 1895 году занял должность лаборанта по химии в Александровском коммерческом училище в Москве; в 1896 году перешел на должность помощника заведующего лабораторией Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности в Москве. В 1899 году перешел на должность ассистента при кафедре неорганической и аналитической химии в Московском сельскохозяйственном институте. В 1900 г. сдал экзамен на степень магистра химии и с того же года состоял приват-доцентом Московского университета. В 1904 г. представил в Московский университет диссертацию под заглавием «О продуктах действия галоидных соединений на пиридин и хинолин» и в этом же году удостоен степени магистра химии. В 1905 году был назначен экстра-ординарным профессором Варшавского университета, но в том же году отказался от этой должности и снова перешел на занимаемую теперь должность приват-доцента Московского университета и ассистента Московского сельскохозяйственного института...» [2]. К скупым строчкам автобиографии добавим, что Алексею Чичибабину с ранних лет пришлось столкнуться с нуждой. Жизнь семьи была более чем скромной, а после смерти отца — на грани нищеты. Поступив в университет, Алексей вынужден был жить в «Ляпинке» — бесплатном студенческом общежитии, давал частные уроки, занимался случайными химическими анализами, писал в газеты мелкие заметки о научных заседаниях. Под руководством профессора В. В. Марковникова и М. И. Коновалова выполнил свои первые научные работы. Первую из них, под названием «Действие йодистого водорода на пропилбензол», 20-летний студент Чичибабин доложил на заседании Русского химического общества 24 октября 1891 г. В студенческие годы участвовал в революционном движении. В Фонде департамента полиции об этом сохранилась секретная справка Отделения по охране об-

ественной безопасности и порядка в Москве, составленная в январе 1911 г. [3]. В 1911 г. А. Е. Чичибабин вместе с К. А. Тимирязевым, В. И. Вернадским, П. Н. Лебедевым, М. А. Мензбиром и другими профессорами и преподавателями Московского университета вышел в отставку в знак протеста против реакционной политики царского правительства в области высшего образования.

В 1908 г. он возглавил кафедру общей и органической химии в Московском техническом училище, которая через год была разделена на две. Кафедру органической химии занял Чичибабин, позднее он также стал деканом химического отделения (с 1924 г.— химический факультет). Не останавливаясь подробно на научных исследованиях Чичибабина, поскольку опубликован их обзор с приложением списка всех его публикаций [4], приведем лишь свидетельство его ученика и многолетнего сотрудника, ныне покойного акад. И. Л. Кнунянца: «Чичибабин был химиком необычайно широкого кругозора,— писал Кнунянц.— Его классические работы посвящены химии гетероциклов. А наряду с этим он был автором изяшных исследований свободных радикалов, универсального метода синтеза альдегидов; он разрабатывал способы получения красителей, альдегидов, душистых веществ; изучал кислоты, выделяемые из нефти; развивал своеобразный вариант теории строения, который в свете современных данных вовсе не кажется наивным. Конечно, в двух словах роль Чичибабина в создании современной химии охарактеризовать трудно, список его трудов — это 346 публикаций, хотя работал он, напоминая, в основном своими руками. И если искать в его работах главное, то это, пожалуй, индивидуальность. И по замыслу, и по постановке эксперимента чичибабинскую работу узнаешь, не глядя на титульный лист» [5].

С началом первой мировой войны Чичибабин обратился к химикам с призывом принять участие в работе по производству медикаментов. Он организовал и возглавил Московский комитет содействия развитию фармацевтической промышленности, с помощью которого в Московском техническом училище была создана алкалоидная лаборатория. В этой лаборатории под руководством Чичибабина разрабатывались методы приготовления опия, морфия, кодеина и атропина. В другой лаборатории того же училища Чичибабиным была разработана технология получения салициловой кислоты и ее солей, а также аспирина, салола и фенацетина. Созданные Чичибабиным медицинские препараты спасли жизни тысячам русских солдат.

В более благоприятных условиях складывалась научная карьера Владимира Николаевича Ипатьева. Он родился в

1867 г. в семье respectableного московского архитектора.* После учебы в Михайловском артиллерийском училище в 1889 г. поступил в привилегированную Михайловскую артиллерийскую академию в Петербурге, которую окончил в 1892 г. по первому разряду и был оставлен при ней в качестве репетитора и одновременно помощника заведующего химической лабораторией, а с июня 1895 г.— штатным преподавателем химии [6]. Важное значение для формирования Ипатьева как ученого имела предоставленная ему двухгодичная командировка в химическую лабораторию Мюнхенского университета, руководимую Адольфом Байером, позднее ставшего лауреатом Нобелевской премии по химии. «Цель моей командировки за границу заключалась главным образом в усовершенствовании знаний по химии,— писал в своем отчете о ней Ипатьев в августе 1897 г.— Тема, которую мне предложил профессор Байер, заключалась в исследовании строения карона, одного из органических веществ, принадлежащих к ряду терпенов. Изучение строения терпенов, представителями которых могут служить всем известные скипидар, ментол, камфара и другие, является ныне одной из интереснейших областей органической химии (...) Произведенное мною, совместно с профессором Байером, исследование карона осветило строение некоторых органических веществ, а с другой стороны обогатило химию еще одним интересным фактом, который является отчасти подтверждением верности представлений о стереохимии или о гипотезе пространственного расположения атомов в молекулах органических соединений... В начале ноября 1896 года я стал работать самостоятельно в Мюнхенской лаборатории (...)» [6]. В этой лаборатории Ипатьев успешно завершил в 1897 г. начатые еще в Петербурге исследования по строению и синтезу изопрена, установил новые пути синтеза непредельных углеводородов. Много лет спустя Ипатьев говорил, что время, проведенное им в лаборатории Байера, и его научное руководство «оказали огромное влияние на мою дальнейшую деятельность и позволили уяснить гениальную методику исследования реакций с органическими соединениями» [7]. По возвращении на родину Ипатьев начал быстро продвигаться по служебной лестнице в Михайловской артиллерийской академии: в 1899 г. он стал экстра-ординарным профессором химии, с 1902 — ординарным профессором, с 1909 — зав. хим. лабора-

* Мать — Анна Дмитриевна (урожд. Глики) вскоре после рождения сына оставила семью и ушла к скромному учителю физики А. Ф. Чугаеву; в 1873 г. у них родился сын, которого назвали Львом (впоследствии известный химик). О том, что Л. А. Чугаев его брат, В. Н. Ипатьев впервые узнал в 1907 г.

*Полковник В. Н. Ипатьев —
профессор Михайловской артиллерийской академии (1905 г.)*

торией, в 1911 (в 43 года) стал генерал-майором, с 1914 — заслуженным профессором [8]. Основным направлением его научных исследований стало изучение явлений катализа при высоких температурах и давлениях. Изучив термокаталитические реакции превращения спиртов, он в 1901—1905 гг. впервые указал на новые пути их разложения, которые были положены им в основу новых методов синтеза альдегидов, эфиров, олефинов, а затем и диеновых углеводородов. Осуществил исследование каталитических свойств оксида алюминия — одного из самых распространенных в химии катализаторов. Первым ввел (1900 г.) в гетерогенный катализ высокие давления. Сконструированный им в 1904 г. прибор — «бомба Ипатьева» — стал прообразом применяемых ныне в химической практике реакторов

и автоклавов нового типа. В 1909 г. применил высокие давления и для проведения неорганических реакций, в частности, вытеснения металлов из водных растворов солей водородом. В 1909 г. установил принципиальную возможность получения из этилового спирта бутадиена на алюминиевом катализаторе с выходом продукта до 3—5%. Положил начало использованию многокомпонентных катализаторов. На примере реакций восстановления камфары в борнеол, дегидратации борнеола в камфен и гидрогенизации камфена в изокамфан, протекающих с помощью разных катализаторов, показал возможность совмещения окислительно-восстановительных и дегидратационных реакций в одном прямом процессе. В дальнейшем он использовал многофункциональные катализаторы при крекинге, риформинге и других процессах переработки нефти.

Для научных исследований Ипатьева всегда была характерна теснейшая связь с промышленной практикой. Он разработал многочисленные промышленно важные процессы, такие как синтез полимербензинов на основе газообразных олефинов — отходов крекинга, алкилирование ароматических и парафиновых углеводородов олефинами для получения продуктов высокой химической ценности, ряд процессов крекинга и риформинга. Он первым из химиков осуществил в 1913 г. полимеризацию этилена, указав на возможность получения полиэтилена различной молекулярной массы [9]. В годы первой мировой войны генерал-лейтенант Ипатьев организовал (1915 г.) и возглавил Химический комитет при Главном артиллерийском управлении, ставший монопольным заказчиком всей химической промышленности империи, осуществлявший снабжение фронта продуктами военной химии, строительство новых химических предприятий и т. д.*

После Октябрьской революции, внутренне не принимая ее и оставаясь приверженцем конституционной монархии, Ипатьев тем не менее (как и А. Е. Чичибабин, с которым его связывали многолетние деловые контакты) встал на путь сотрудничества с большевиками. Он отвечал категорическим отказом своим бывшим коллегам-генералам и посланцам с Запада уехать из России или присоединиться к белой гвардии. От него отшатнулся даже самый близкий человек — сын Николай, покинувший с белогвардейцами Россию и при первой встрече с отцом в Париже в 1921 г. не подавшим ему руки как «продавшемуся Со-

* В советское время он также внес крупный вклад в развитие военно-химических работ. Ему принадлежит крылатое выражение: «Мирная химическая промышленность — база обороны страны».

ветам». Младший же сын Владимир публично отрекся от отца 29 декабря 1936 г. на Общем собрании Академии наук СССР как от «невозвращенца».

Трагический разрыв с сыновьями В. Н. Ипатьев остро переживал всю свою жизнь.

В 1918 г. Химический комитет, которым руководил Ипатьев, был расформирован, а на его базе с оставлением на местах работавших там сотрудников создан Отдел химической промышленности Высшего Совета Народного Хозяйства, сам же Ипатьев возглавил Комиссию по демобилизации химической промышленности, а в 1921 г.— вновь созданное Главное химическое управление (Главхим) ВСНХ, т. е. стал руководителем этой отрасли народного хозяйства Республики. В 1923—1926 гг. он был председателем Химического комитета при Реввоенсовете.

Блестящий ученый-теоретик и одновременно экспериментатор, тонкий знаток химической промышленности, он умел видеть перспективу развития своей науки. Еще в сентябре 1918 г. Ипатьев провел два заседания Комиссии с участием химиков страны, в том числе А. Е. Фаворского, С. В. Лебедева, Н. Д. Зеллинского, Б. В. Бызова и др., посвященных вопросу о постановке опытов по получению синтетического каучука (СК) в заводском масштабе [10]. Комиссия избрала в качестве наиболее перспективного направления исследований то, по которому шел Лебедев — синтез каучука из этилового спирта. В условиях гражданской войны и хозяйственной разрухи исследования по производству СК не могли приобрести большого размаха, но позже они развернулись в широких масштабах.* В 1932 г. в нашей стране впервые в мире началось промышленное производство этого стратегического продукта.

24 марта 1920 г. на заседании Технического Совета Отдела химической промышленности ВСНХ Ипатьев выступил с обширным докладом о необходимости создания Радиевого института. Прежде всего Ипатьев констатировал, что «плодотворное изучение свойств радиоактивных элементов неразрывно связано с самим процессом промышленной их добычи, так как вследствие их ничтожно малых количеств самое изучение их во многих случаях возможно лишь в различных стадиях промышленного производства». Из этого Ипатьев делал вывод, что Радиевый

* Инициативу Ипатьева в области синтеза каучука продолжил Чичибабин, возглавив в 1927 г. Жюри Всемирного конкурса на лучший способ получения СК. 4 мая 1928 г. на заседании Президиума научно-технического управления ВСНХ СССР по докладу Чичибабина о результатах конкурса на лучший способ получения СК было принято решение приступить к реализации метода Лебедева в полувальцовом масштабе.

институт должен включать в себя как производственные, так и исследовательские отделы. «Здесь можно было бы нарисовать следующую схему организации нового учреждения — Радиового института, призванного объединять и направлять все работы по радиоактивности,— продолжал докладчик.— Все учреждения, Российская Академия наук, Комиссия производительных сил России (КЕПС — *прим. В. А. В.*), при ней Коллегия по организации и эксплуатации пробного завода для извлечения радия при Академии наук, Радиовое Отделение Государственного Рентгенологического и Радиологического института, Главная Палата Мер и Весов, Физическая лаборатория Московского университета, Физический институт академика Лазарева, будущая лаборатория радия Химотдела ВСНХ и лаборатория Бурксеры (организованная Е. С. Бурксером в 1910 г. в Одессе) — основывают специальный радиевый институт при Академии наук, ставящий своей целью объединение и направление всех работ в области радиоактивности, разработки методов промышленной добычи радиоактивных элементов, равно и геологоминералогическое обследование России с целью нахождения радиоактивных руд» [11]. Вновь организуемому институту придавались черты комплексного научно-исследовательского центра — черты, столь характерные для научного учреждения на современном этапе научно-технической революции. Если в США, Англии и Германии комплексные научно-исследовательские проекты (или программы) начали разрабатываться в основном в 50-е годы (в начале 40-х гг. по такой программе велись лишь работы по созданию атомной бомбы в США), то в нашей стране характерные черты таких программ проявились значительно раньше. Ипатьев был инициатором создания массового Добровольного общества помощи развитию химии и химической промышленности (Доброхим) в СССР. В мае 1924 года был избран Центральным комитет Доброхима во главе с Л. Д. Троцким, в качестве его заместителей — Ипатьев и М. В. Фрунзе (в 1927 г. это общество было реорганизовано в Осоавиахим) [12].

Середина 20-х гг. оказалась наиболее плодотворной для научного творчества Ипатьева. Его исследования по катализу при высоких давлениях привлекли пристальное внимание крупнейших зарубежных концернов. В начале 1927 г. Ипатьев получил предложение от руководителей Общества баварских азотных заводов, а также других фирм проводить совместные исследования «по органической и неорганической химии и результаты работ применять на практике». Одним из пунктов договора оговаривалось право Ипатьева на изобретения, которые будут сделаны им в Германии: все они патентуются фирмой в Герма-

нии с указанием авторства Ипатьева, а в СССР он имел право патентовать от своего имени, и они безвозмездно переходили в собственность СССР. Кроме того, Ипатьев по договору принимал участие в прибылях от продажи лицензий. Советское правительство нашло предложения германской стороны приемлемыми для СССР и дало согласие на проведение Ипатьевым исследований в Германии при условии, что он будет ежегодно отчитываться о ходе этих работ на заседании Президиума ВСНХ СССР, выезжая в Германию 3—4 раза в год на срок не более месяца. Академия Наук СССР также подтвердила свое согласие на проведение Ипатьевым работ в Германии. 6 июня 1929 г. Президиум ВСНХ, заслушав отчет Ипатьева о работе в Германии (с 28 сентября 1928 г.), признал, что они «привели к чрезвычайно важным открытиям...»

Особо отмечалось, что Лаборатория высоких давлений в Ленинграде, созданная Ипатьевым в 1927 г. (в 1929 г. преобразована в Государственный институт высоких давлений — примеч. В. А. В.). «становится уже в настоящее время школой химиков, работающих в области высоких давлений и температур и в дальнейшем будет играть громадную роль в деле подготовки новых кадров работников в этой области» [13]. Думал ли в эти годы Ипатьев о возможности остаться на Западе? В своих мемуарах, вышедших в 1945 г. он сам касается этой темы. Во время одной из командировок в Германию в 1927 г. Ипатьев был приглашен в гости к нобелевскому лауреату В. Нернсту. Там во время обеда, вспоминает Ипатьев, «один из немецких профессоров спросил меня, почему я совсем не покину СССР и не переселюсь за границу для продолжения своих научных работ, где я найду, несомненно, гораздо больше удобств, чем у себя на Родине. Я в то время не имел ни малейшей идеи покинуть свою страну ... Я не замедлил ответить ... что как патриот своей Родины должен остаться в ней до конца моей жизни и посвятить ей все мои силы. Профессор Эйнштейн слышал мой ответ и громко заявил: «Вот этот ответ я вполне разделяю, так надо поступать. И вот прошло 4—5 лет после этого разговора и мы оба нарушили наш принцип; мы теперь эмигранты и не вернулись в свои страны по нашему персональному решению, а не потому, что были изгнаны нашими правительствами...» [14]. 15 мая 1927 г. в Москве научные и научно-технические учреждения, общественные и промышленные организации нашей страны в торжественной обстановке отметили 35-летие научной деятельности Ипатьева. В 1929 г. вышел в свет сборник статей, посвященный жизни и научной деятельности Ипатьева, содержащий статьи Н. Д. Зелинского, А. Е. Чичибабина, Е. И. Шпитальского, Р. Вильштеттера,

Г. Бредига, К. Матиньона, К. Фаянса и других видных ученых [7].

Очевидно, не помышлял об отъезде из своей страны и Чичибабин.* После Октябрьской революции, продолжая педагогическую деятельность в МВТУ, он с 1918 г. возглавлял также Правление государственных химико-фармацевтических заводов и Научный химико-фармацевтический институт, в 1922—1927 гг. был председателем Научно-технического совета химико-

А. Е. Чичибабин (1926 г.)

* В пользу такого предположения можно привести обнаруженную мною в Архиве РАН (Ф. 288, оп. 3, д. 202, л. 56) секретную записку Чичибабина, написанную после возвращения из научной командировки во Францию в мае-июне 1927 г., адресованную в Президиум Научно-технического управления ВСНХ СССР (НТУ ВСНХ СССР). В записке в частности говорилось: «Согласно личным переговорам с заместителем председателя НТУ Алек(сеем) Ник(олаевичем) Бахом мною велись переговоры с проживающим в Париже Алек(сандром) Павл(овичем) Ореховым, весьма выдающимся химиком, относительно занятия им должности заведующего одного из отделов Науч(ного) химико-фармацевтического института. Ввиду этого им подано заявление относительно разрешения приехать в СССР (...)». В 1928 г. А. П. Орехов (1881—1939) вернулся на Родину из Франции, где находился с 1917 г. В 1939 г. Орехов стал академиком АН СССР. Его исследования по химии алкалоидов как и созданная им научная школа в этой области получили мировую известность.

фармацевтической промышленности, главным редактором Государственной фармакопеи. В ней почти все приложения химического содержания были написаны Чичибабиным. Этот труд явился существенным вкладом в развитие отечественной фармацевтической промышленности.

Вместе с Ипатьевым Чичибабин был в числе 37 ученых, обратившихся в марте 1928 г. к Правительству с «Запиской» о необходимости перехода к широкой химизации народного хозяйства. Совет Народных Комиссаров СССР, рассмотрев эту записку, принял 28 апреля 1928 г. постановление «О мероприятиях по химизации народного хозяйства Союза ССР».

Послеоктябрьские годы принесли Чичибабину новые успехи в научном творчестве.* В 1924 г. он осуществил синтез пиридина, совместно со своим учеником Н. А. Преображенским синтезировал и установил строение (1930) пилопоновой кислоты, а также пилокарпина, нашедшего широкое применение, вплоть до сегодняшнего дня, в качестве лекарственного средства при лечении глаукомы. Его научные достижения были отмечены избранием в 1928 г. действительным членом Академии наук СССР. В 1925 г. вышел в свет знаменитый учебник Чичибабина «Основные начала органической химии», выдержавший только в нашей стране семь изданий (7-е издание в 1963 г.), не считая переводов за рубежом и на языки народов СССР. Чичибабин своим примером показал, как надо готовить молодых ученых. «Лектором Чичибабин был весьма своеобразным,— вспоминал И. Л. Кнунянц.— На первых лекциях набиралось полным-полно народа, но где-то к середине курса публика заметно редела. Действовал своего рода естественный отбор. Алексей Евгеньевич нисколько не заботился об ораторских красотах, быстро стирал с доски формулы — редко кто успевал их списать — так густо насыщал свой рассказ сведениями, а также идеями, нередко возникав-

* Следует отметить, что эти успехи давались путем огромных нервных издержек, связанных с необходимостью каждодневного преодоления косности и головотяпства государственных чиновников «от науки». В этом смысле показательно письмо Чичибабина от 7 января 1922 г. Ипатьеву, в то время начальнику Главхима ВСНХ СССР, по поводу бедственного состояния своего дитя — лаборатории алкалоидов. «Можно с полным правом утверждать,— писал Чичибабин,— что издержки по работам в лаборатории были ничтожны сравнительно с ценностью алкалоидов, подаренных России моими трудами и трудами моих учеников. Можно также с уверенностью сказать, что ни в одной культурной стране не только не могло бы быть речи о прекращении работы лаборатории, но что эта работа была бы гордостью страны, что она была бы бережно охраняема, и были бы приняты все возможные меры, чтобы обеспечить спокойное продолжение и всестороннее развитие ее. Но в России никогда не дорожили тем немногим хорошим, что у нее было...» (РГАЭ, ф. 3106, оп. 1, д. 31, л. 3).

шими у него прямо по ходу изложения, что выдержать такое мог только слушатель, искренне влюбленный в химию. Поэтому к концу курса нас осталось только восемь, то ли девять. И именно нас профессор экзаменовал дольше всех. Знаете, сколько длился чичибабинский экзамен? Три, а то и четыре дня! Нужно было явиться в лабораторию, где Алексей Евгеньевич, не отрываясь от опытов (он всегда делал их своими руками), вначале задавал студенту несколько вопросов из первых глав курса. Если дело шло хорошо, он приглашал на завтра и продолжал спрашивать по следующим главам. И так — всю органическую химию до конца (...) Алексей Евгеньевич добивался самого главного, на что должно быть нацелено преподавание. Он развивал у учеников самостоятельное химическое мышление, ориентируясь не на отстающих, а на увлеченных, преданных (...). Когда дело доходило до дипломной работы, Чичибабин прежде всего спрашивал, над какой темой хотел бы работать сам ученик. И никогда не препятствовал даже самым фантастическим затеям (...). Каждый день Алексей Евгеньевич приходил в лабораторию ровно в девять утра, надевал свой белый халат и обходил всех сотрудников. Вопрос задавался один и тот же: что у вас нового? Новое, сами понимаете, появлялось не каждый день. Но если у кого-то новостей не было три-четыре дня подряд, то Чичибабин к такому человеку подходить переставал (...) [5]. Среди учеников Чичибабина мы видим много химиков, внесших крупный вклад в развитие химической науки — Н. Н. Ворожцов, А. В. Кирсанов, П. А. Мошкин, И. Л. Кнунянц, Н. А. Преображенский, П. Г. Сергеев и многие другие. Много сил и энергии тратил Чичибабин на то, чтобы оставить при своей кафедре способных молодых людей. Сохранилась переписка Чичибабина с ректоратом МВТУ за 1927—1929 гг. по поводу зачисления в аспирантуру, а затем оставления на кафедре А. В. Кирсанова, которого Чичибабин считал исключительно способным и «крайне ценным работником для лаборатории органической химии». Несмотря на многочисленные препятствия Чичибабин добился своего и Кирсанов работал под руководством Чичибабина вплоть до его отъезда из СССР в 1930 г. В настоящее время А. В. Кирсанов — крупнейший специалист в области фосфор- и сераорганических соединений, автор важных реакций, носящих его имя, обладатель высоких академических званий. От профессорско-преподавательского состава Чичибабин постоянно требовал «высокой научности преподавания основных дисциплин». Считал «что каждый преподаватель высшей школы должен быть прежде всего исследователем (исключения допустимы, но не желательны, лишь для чисто подсобных пред-

метов, типа математики). Мой уже многолетний опыт лишь укрепил меня в том убеждении, что преподаватель-исследователь, даже если он не педагог, заражает студентов любовью к науке и делает из них настоящих химиков». На первой всесоюзной конференции по вопросам высшей химической школы в феврале 1929 г., обсуждавшей пути совершенствования подготовки химиков, развернулась острая дискуссия о том, какой тип инженера нужен химической промышленности. Чичибабин вместе с Ипатьевым придерживался той точки зрения, что инженер-химик, прежде всего должен иметь широкую теоретическую подготовку, а глубокие знания производственных процессов приобретаются в ходе его практической деятельности на производстве. Однако конференция сочла необходимым идти по пути создания отраслевых институтов нового типа «для подготовки специалистов с более резко выраженной специализацией и в более короткий срок». Вскоре в химических вузах стали вводить специализацию уже на младших курсах, была отменена зачетная сессия, и основной учебный процесс стали семинарские занятия. Срок обучения был сокращен до четырех лет. Появились «особые» ударные студенческие бригады, которые сами устанавливали себе порядок прохождения учебных дисциплин и сроки окончания вуза. Было введено деление учебного года на три семестра. Программы по всем предметам частично прорабатывались в институтах, а частично осваивались на заводах. Все это делалось с целью связать сильнее учебный процесс с производственной практикой и ускорить выпуск инженеров. Возник лабораторно-бригадный метод, при котором учебный процесс строился на коллективной деятельности студентов под руководством преподавателя. Независимо от фактической подготовки отдельных студентов успешная защита диплома обеспечивала всем членам бригады окончание института. Чичибабин резко выступал против такой реформы. «Ряд существенных черт ее таков, что в целом эта реконструкция может иметь следствием уничтожение высшего инженерно-химического образования, а быть может, и полное уничтожение высшего химического образования СССР. Считаю своим долгом обратить внимание Правительства на создающееся тяжкое положение, угрожающее срывом осуществления пятилетнего плана развития химической промышленности (...)» [16]. Это письмо было написано через 10 дней после трагической гибели во время студенческой практики на Дорогомиловском химзаводе в Москве единственной дочери Чичибабиных 20-летней Наташи... [см. 5, стр. 80]. Безмерным горем и отчаянием проникнуты записи Чичибабина, написанные через несколько дней после смерти дочери. «Мне нечего говорить

об очаровательной внешности Наташи,— писал он,— но эта внешность отвечала и ее духовным качествам. Мы, родители, были горды и тем, что ее способностями, умом, расцветавшими в последнее время с каждым днем, причем на наших глазах она быстро превращалась из ребенка в полнокровного взрослого человека. Ее настойчивость и работоспособность привели уже к тому, что последние два года она, поскольку ей позволяли силы, могла оказывать мне серьезную помощь, особенно, во время моей прошлогодней поездки в Америку. И я мечтал, что еще через год она будет моим сотрудником в областях, требующих применения новых методов, освоить которые мне уже поздно и трудно. Полное отсутствие какой-либо недоброй мысли по отношению к другим людям и твердость в проведении того, что она считала правильным (не всегда в духе своих родителей). То, что нас родителей пугало, и что в конце концов и привело ее к трагическому концу — это ее способность целиком предаваться делу, при изумительном бесстрашии и мужестве. Когда я ей указывал на опасные или вредные стороны производства, она говорила: «Что же? Ты хочешь, чтобы я, пользуясь тем, что я твоя дочка, получала привилегии» и смеялась над опасениями матери и, говоря, «конечно, у нас на заводе каждый день бывают взрывы, отравления и т. д. и т. д.» (...). С первого дня до последнего с обожженной серной кислотой температуры 180° почти половиной тела она заботилась лишь о том, чтобы мы не волновались и говорила, что ей значительно лучше. Последние слова перед смертью на вопрос как ты себя чувствуешь, были: «Хорошо». За все время ни одного стоана, ни одной мольбы, кроме только один раз накануне смерти она тихо сказала: «Мамочка, как больно!» Она была радостью и счастьем нашей жизни и при благоприятных условиях, при гармоничном сочетании красоты и твердости духа могла бы сделаться в жизни большим человеком. И если я останусь жить и по-прежнему работать в своей области ... это лишь потому, что в минуту холодного отчаяния мне было сказано: «бери пример с мужества своей дочери». Я не имею ее мужества, но я хочу быть достойным ее памяти» [17]. По свидетельству историка химии П. М. Лукьянова, после смерти дочери пребывание в Москве для четы Чичибабиных стало невыносимым, т. к. все напоминало о ней. В том же 1930 г. А. Е. Чичибабин вывез Веру Владимировну в Париж, где вынужден был поместить ее в психиатрическую больницу, сам же стал работать в лаборатории фармацевтической химии Эрнста Фурно в Пастеровском институте [18].

Совсем иные причины вынудили покинуть Родину В. Н. Ипатьева.

«То доверие, которое мне оказывали большевики, я очень ценил и по совести могу сказать, что никогда не позволял себе им злоупотребить (...), — писал он в своих мемуарах, — Я не боялся высказывать смело мои взгляды по тому или другому вопросу, иногда мне приходилось даже стукнуть кулаком по столу, но большевики чувствовали, что я говорю правду» [14, с. 354].

В 1926—1929 гг. начались аресты коллег и близких друзей Ипатьева — подверглись репрессиям академики С. Ф. Платонов и Н. П. Лихачев, горный инженер П. А. Пальчинский, инженер В. П. Камзолкин, любимый ученик Ипатьева — Г. Г. Годжелло. В октябре 1929 г. был арестован В. П. Кравец — член коллегии Главхима, накануне своего ареста сообщивший Ипатьеву как своему другу следующее: «Вы знаете, что я ни в чем не виноват, и если до Вас дойдут слухи или Вы прочтете в газетах, что во время моего допроса в ГПУ я сознался в своей вредительской деятельности, то не верьте этому!» [14, с. 584]. Но особенно потряс Ипатьева арест в феврале 1929 г. его давнего близкого друга профессора Е. И. Шпитальского, только что избранного членом-корреспондентом Академии наук. «Мое настроение стало особенно тревожным, — писал Ипатьев в мемуарах, — потому что Е. И. (...) знал все детали моей жизни и при допросе совершенно случайно мог сообщить некоторые факты, которые позволили бы привлечь и меня к допросу, а впоследствии и к аресту. Хотя я хорошо знал благородную натуру Е. И., я гнал от себя всякую мысль о возможности неблагоприятного поступка с его стороны, но все слышанное мною о допросах ГПУ (...) невольно порождало в моей душе мысль о возможности и моего ареста» [14, с. 541].

Ходатайства Ипатьева об освобождении Шпитальского оказались безрезультатными. От многих своих компетентных друзей Ипатьев стал получать конфиденциальные, но заслуживающие полного доверия предупреждения о том, что он является ближайшим кандидатом на арест. Ипатьев понимал и то, насколько опасными для его жизни стали его бывшие связи с царской семьей, Л. Д. Троцким, Пальчинским, другими оппозиционерами, «вредителями» и «врагами народа». Что ему осталось предпринять в таких условиях? Продолжать работать как ни в чем не бывало, ожидая по ночам стука в дверь? Ипатьев принял иное, крайне тяжелое для себя решение выехать за границу и до поры до времени не возвращаться. В июне 1930 г. Ипатьев был командирован (вместе с женой) для участия во Втором Международном энергетическом конгрессе, проходившем в Берлине, по окончании которого получил разрешение советско-

го правительства и Академии наук СССР задержаться для лечения на один год. В июне-августе 1930 г. он побывал во Франции и Англии, в сентябре выехал в США, сначала в Нью-Йорк, затем в Чикаго, где ему была сделана сложная операция по поводу болезни горла. Здесь же, в Чикагском университете он стал читать курс лекций по катализу и одновременно приступил к экспериментальным работам по контракту с фирмой «Universal Oil Products Co» в прекрасно оборудованной специально для него лаборатории [12, с. 77—81].

Вплоть до 1936 г. Ипатьев регулярно высылал в СССР результаты своих исследований, выполненных в США. В том же 1936 г. в издательстве АН СССР вышла его фундаментальная монография «Каталитические реакции при высоких температурах и давлениях». Но вместе с тем, по мере того, как в СССР один за другим начались политические процессы над научно-технической интеллигенцией, все настойчивее стали получать Ипатьев и Чичибабин «приглашения» вернуться назад, на Родину. Чтобы понять позицию «невозвращенцев» приведем их переписку с руководством Академии наук СССР.

Н. П. Горбунов — В. Н. Ипатьеву, 17 сентября 1936 г.;

«Многоуважаемый Владимир Николаевич,

Вы уже около шести лет находитесь вне пределов СССР и не принимаете никакого участия в практической работе по социалистическому строительству.

Вы являетесь гражданином СССР, крупным ученым, действительным членом Академии наук, Вы нужны нашей стране.

Поэтому по поручению Президиума Академии наук, я прошу Вашего прямого, ясного и откровенного ответа на следующий вопрос — считаете ли Вы себя обязанным целиком работать для своей родины — Советского Союза, для усиления его мощи и процветания и если считаете, то готовы ли Вы немедленно сделать из этого практические выводы. Вопрос этот является вполне законным потому, что Ваш добровольный отрыв от нашей страны принял слишком затяжные формы. Если Вы отвечаете на поставленный Вам вопрос утвердительно, то Вы должны в ближайшее же время вернуться в СССР для научной работы. Академия наук примет все меры к созданию для Вас благоприятных условий, как по научной работе, так и в бытовом отношении.

В противном случае, Академия наук и, вероятно, вся страна, должна сделать соответствующий вывод о Вашем отношении к СССР.

В ожидании скорого извещения о Вашем решении и с надеждой на скорое Ваше возвращение.

*Непременный секретарь Академии наук СССР
Н. П. Горбунов» [19].*

А. Е. Чичибабин — Г. М. Кржижановскому:

16.1.1936 г.

Вице-президенту Академии наук СССР тов. Кржижановскому

«Многоуважаемый коллега,

Прошло уже больше месяца после моего разговора с акад. Фрумкиным, беседовавшим со мной по Вашему поручению (при разговоре мы пришли к заключению, что мне следует написать заявление в Президиум Академии).

Это поручение меня обрадовало не только как проявление ценного для меня Вашего личного отношения к моей судьбе, но и как доказательство интереса к моей личности со стороны Академии наук, принадлежность к которой я считаю и считал высокой честью.

К моему глубокому сожалению, одновременно я узнал о ряде весьма неблагоприятных поступков со стороны лица, которое я уполномочил на заведование лабораторией на время моего отсутствия. От А. Н. Фрумкина я получил окончательное подтверждение того обстоятельства, тщательно скрывавшегося от меня вышеозначенным лицом, что Академия наук отстранила меня от созданного мною учреждения (...).

Для меня было большим ударом узнать, что с одной стороны, Академия отставила меня, даже не уведомив меня об этом, — а с другой стороны, что лицо, в назначении которого есть часть моей вины, оказался не тем, за которого я его считал, что это лицо пользуясь своим новым положением, приписывает (присваивает) себе научные заслуги, ни на йоту ему не принадлежащие, например, в синтезе пилокарпина, или подписывая свое имя в работах сотрудников, стоящих головой его выше в научном отношении.

Чтобы выяснить отношение моих товарищей к этому столь важному для меня делу, я написал письмо председателю Химической группы академику Курнакову с горячей просьбой как можно скорее ответить на поставленные мною вопросы. Я рас-

считывал получить ответ уже давно, чтобы с облегченным сердцем писать заявление в президиум, и мне очень тяжело, что этого ответа я до сих пор не имею. Т. к. упомянутое письмо, по форме полуофициальное, но содержит официальное, то я и позволяю себе просить Вас передать Н. С. Курнакову, как председателю группы, мою просьбу ускорить ответ. Я не обращаюсь к нему сам с этой просьбой, т. к. из содержания письма ему и без того должно быть ясно насколько важен для меня его ответ и его скорейшее получение. Надеюсь, что мои товарищи не вменяют мне в вину это желание. Ведь какой смысл желать моего возвращения, если по возвращении я попаду в обстановку, в которой я не буду иметь возможности работать. А при моем теперешнем здоровье я смогу плодотворно работать лишь при полном душевном спокойствии. Здесь я такую обстановку имею: у меня остается время для моей научной работы по моей инициативе и я вскоре пришло в Академию для напечатания ряд новых работ.

Я хотел бы работать в полную меру остатка моих сил для СССР, работая здесь, чем сейчас там, т. к. там при сложившихся для меня обстоятельствах, я должен растрчивать свои силы на преодоление всяких «бесполезных сопротивлений». Сил у меня не так много, и при этом может скоро наступить крах.

Примите уверение в моем искреннем уважении, с товарищеским приветом — Академик А. Чичибабину» [20].

Н. П. Горбунов — А. Е. Чичибабину:

«21 февраля 1936 г.

Многоуважаемый Алексей Евгеньевич,
Вице-президент Академии Г. М. Кржижановский передал мне Ваши письма ему, с просьбой ответить Вам.

Прежде всего, должен официально уведомить Вас, что Академия наук ни одним своим актом не освободила Вас от должности заведующего лабораторией по исследованию и синтезу растительных и животных продуктов (...). Вы являетесь гражданином СССР, крупным ученым, действительным членом Академии наук СССР и нужны нашей стране. По поручению Академии наук позвольте мне поэтому поставить перед Вами вопрос и просить прямого, ясного и откровенного ответа: считаете ли Вы себя обязанным целиком работать для Родины — Советского Союза, для усиления его мощи и процветания и, если считаете, то готовы ли Вы немедленно сделать из этого практические выводы?

Вопрос этот является законным, потому, что Ваш добровольный отрыв от нашей родины принял слишком затяжные формы. Если да, то Вы должны безотлагательно вернуться в СССР и доказать это работой, приступив к исполнению прямых своих обязанностей, как директор вверенного Вам научного учреждения и как действительный член Академии наук.

В противном случае, Академия наук и, вероятно, вся страна должны будут сделать свой вывод о Вашем к ним отношении.

Разумеется, в случае Вашего возвращения Академия наук примет все меры к созданию для Вас благоприятных условий по научной работе и в бытовом отношении.

В ожидании скорого извещения о Вашем решении и с надеждой на скорое Ваше возвращение.

*Непременный секретарь Академии наук
Н. П. Горбунов» [21]*

А. Е. Чичибабин — Н. П. Горбунову

«24 июня 1936 г.

Многоуважаемый Николай Петрович,

Пишу Вам не скоро, т. е. Ваше письмо, пришедшее в момент, когда мои нервы были еще сильно потрясены (...) и я долго не чувствовал себя в состоянии ответить достаточно спокойно (...).

Но перейдем к основному, теперь для меня единственно важному вопросу о моем возвращении.

Я думаю, Вы должны признать, что Ваше письмо не могло содействовать его разрешению.

Позволяя себе сделать отступление персонального характера, мне было прискорбно, что такое письмо написали Вы, человек, к которому я хорошо относился и к которому я и теперь сохраняю доброе чувство, я сохраняю благодарность к Вам лично и Комитету Химизации, как единственному учреждению, кроме МВТУ, оказавшему существенную помощь в моей научной работе. Не изменяют моего отношения и Ваши угрозы, несмотря на то, что они доставили мне много огорчения, т. к. считаю, что они не вытекают из дурного источника.

Коренной ошибкой при Вашем обращении ко мне, как и при некоторых других обращениях из Москвы является представление обо мне, как о том человеке, каким я был до 1930 г., т. е. как о человеке, полном сил и энергии, с выдающейся работоспособностью, с упорством и настойчивостью в достижении намеченных целей.

На самом же деле, тот ужасный удар, который поразил меня и мою жену 5 лет назад, настолько ослабил мою жизнеспособность, что я быстро превратился в старика, в значительной степени утратившего интерес к жизни.

Этому содействовало и прогрессирующее ослабление зрения (катаракта). Моими жизненными стимулами остались уход за женой, после нашего несчастья постоянная хворящей, и экспериментальная научная работа. Последняя позволяет забывать окружающее, а ее успехи дают некоторое удовлетворение.

И в прежнее время я мало стремился к внешним почестям. Теперь я их расцениваю еще ниже. Во всяком случае, стимулом для работы внешнее признание ее успехов для меня не является. Я знаю, в какой мере успехи даются рекламой и высоким официальным положением. Мало интересует меня и суд истории, т. к. я давно пришел к убеждению, что история в громадном большинстве случаев есть лишь закрепление на долгое время несправедливости современников.

Беда моя в том, что работать теперь я могу лишь в спокойной обстановке, при отсутствии внешних беспокоящих событий. При наличии последних я теряю равновесие и делаюсь мало работоспособным. Лишь заботы о больной жене давали мне возможность пережить такие моменты. Я думаю, что с моей стороны не будет преувеличением сказать, что в течение моей жизни я много и бескорыстно, т. е. не из-за денег или почестей работал для своей родины. Желание работать для нее сохранилось по настоящее время. Отрыв от родины для меня тягостен, тем более что в здешней жизни я не нахожу ничего, что бы меня привлекало и привязывало. И если я до сих пор не вернулся на родину, то это лишь потому, что я мало верил в возможность найти для себя там обстановку, при которой я, в моем теперешнем состоянии, остающиеся немногие годы своей жизни мог бы. провести в спокойной и плодотворной работе. И в настоящее время я опасаясь, что я буду принужден потратить свои последние жизненные силы, добиваясь возможности работать.

В России, а позднее в СССР я истратил на это значительную часть своих сил. Своей малой склонности к рекламе я приписываю то обстоятельство, что для научных работ я всегда получал лишь крохи, тогда как львиная доля всегда предоставлялась людям, умеющим много обещать, часто, очевидно для меня, бессильным исполнить полностью свои обещания. Даже в самые последние годы моего пребывания в СССР когда, казалось, я был общепризнанным большим ученым, для своих работ я имел архаическую лабораторную обстановку, тогда как другие получали дворцы и много валюты для приобретения современной

литературы. Тот год, когда я имел неосторожность взять на себя директорство в Научно-Химико-фармацевтическом Институте, соблазненный обещаниями дать мне возможность широко развить работы, был особенно бесплодным в этом смысле. Затратив много сил для упорядочения дела, я получил в начале нового сметного периода кое-какие сметные ассигнования. Казалось налаживалось дело и с новым зданием. Но к концу сметного периода от этого всего не осталось ровно ничего. Позднее другие сумели получить гораздо больше, чем я просил.

В Академии мои доклады о работах получили солидное признание их ценности, но никакой реальной поддержки от этого не получилось. И здесь самые скромные надежды в начале сметного периода кончились для меня разбитым корытом в конце его (...). И по-прежнему львиную долю их надо было тратить на побочные для Лаборатории технические работы, а на долю исследовательской работы оставались по-прежнему жалкие крохи при жалкой обстановке.

Блестяще начатые еще до революции работы с нефтяными кислотами, которые при надлежащем развитии могли бы дать ряд ценных для СССР результатов, не получили никакой поддержки и практически зачахли. Мои скромные ходатайства о поддержке вероятно не сохранились в соответствующих учреждениях даже под сукном, куда их обыкновенно укладывали. И немецкий ученый (Браун) имел большой успех, сделав часть из намеченных мною работ, тогда как, смею утверждать, при благоприятных условиях мы бы к этому времени успели сделать гораздо больше.

Еще более блестяще были начаты исследования дубильных экстрактов работой с экстрактами Бадана. Работы эти не только не получили поддержки, но и людской материал, приобревший ценные навыки в этом деле, принужден был рассеяться. И от моей гордой мечты создать в СССР столь нужную для него школу исследований дубильных веществ остались лишь рожки да ножки.

Мои работы по алкалоидам до такой степени мало пользовались поддержкой, что вероятно, почти никто уже не знает, что родоначальником производства алкалоидов в СССР являюсь я; и думаю, что и история не вспомнит этой моей роли; а страна, не проявившая своей благодарности поддержкой работ нашей лаборатории, не вспомнит и не проявит благодарности и в будущем.

Работа не заглохла, благодаря контактам с хозяйственными предприятиями. С благодарностью вспоминаю небольшие по количеству средства, но существенную по принесенной пользе поддержку Комитета химизации. Поддержки учреждений, руко-

водящих научными исследованиями, до моего отъезда практически не было. Целый ряд моих заветных мечтаний в области синтеза алкалоидов должен был откладываться из года в год (...).

И все же, оглядываясь назад, я имею право сказать, что, несмотря на отсутствие поддержки, я сделал много. Правда, я совершенно убежден, что родился я в Германии, Англии, С. Штатах или Франции, я сделал бы гораздо больше, так как нашел бы более своевременную оценку и поддержку.

Теперь я стар, у меня разбиты нервы. Хотя я чувствую, что могу еще сделать в науке кое-что ценное, но для этого совершенно необходимо спокойствие и хотя бы скромная, но современная обстановка для моих научных исследований.

В первые годы моего пребывания здесь я обращался на родину с просьбами о материальной поддержке. Почти все мои просьбы не только не получили удовлетворения, но даже остались без ответа. Без ответа остались и мои пожелания найти здесь работу для СССР.

Теперь я нашел здесь, на чужбине, скромные, но достаточные условия для научной работы, более спокойные и при всей скромности даже более удобные, чем те, которыми я располагал в СССР.

Понемногу я начал, не без успеха, осуществлять мои вышеупомянутые мечты.

Меня тянет на родину. Мне мешает и очень тяготит необходимость тратить время для заработка. Меня тяготит и необходимость думать об имеющем наступить, быть может довольно скоро «черном дне»; я по-прежнему хотел бы быть полезным родине.

Но какой смысл не только для меня, но и для СССР, если остаток своей жизни я истрачу, хотя бы и на родине, на усилия добиться возможности работать? Не лучше ли не только для меня, но и для Академии и для страны, если я сделаю здесь еще несколько ценных научных работ? Реальная возможность этого есть, все чего я желаю от жизни и чего я прошу.

Очень не хотелось бы, чтобы мои слова об отсутствии в прошлом достаточной поддержки моим работам были поняты, как выражение обиды, на какое-то толкование, конечно, найдется много охотников. Этого чувства и раньше практически не было (в последние годы жизни в СССР я неоднократно говорил близким мне людям, что я считаю себя одним из самых счастливых людей в СССР). Теперь оно исчезло под влиянием философии старчества. Дело — прошлое и обижаться на него теперь так же бессмысленно, как обижаться на камень, некогда свалившийся

на голову. Но факты остаются фактами. Я бы только очень не хотел их продолжения по возвращении на родину.

Если «страна» так мало ценит мою работу и теперь, чтобы предоставить мне не словесные обещания, и притом, в большинстве случаев, лиц, не имеющих силы гарантировать исполнение своих добрых намерений (простите мой старческий скептицизм), не готовы условия для немедленного продолжения мною работ, я прошу оставить меня здесь.

Если при этом она не находит моей работы достаточно ценной, чтобы помочь мне тратить свои силы исключительно на научную работу,— пусть не тратится на это. Пусть предоставит мне возможность доживать свой век и работать, как я захочу и сумею. Я — того мнения, что этого минимума я заслужил и своей жизненной работой, и по возрасту, и по состоянию здоровья (...).

Но, если, в конце концов, «страна» пожелает заняться добыванием никому не делающего вреда старика, всю жизнь бескорыстно — не из-за денег и не из-за почета — работавшего на пользу страны,— пусть это делает. И это меня не удивит, так как справедливости на свете нет и никогда не будет.

По чистой совести, только, не понимаю, кому и зачем это нужно?

Остаюсь с неизменным уважением

А. Чичибабин» [22].

В. Н. Ипатьев — Н. П. Горбунову, 1 декабря 1936 г.:

«Многоуважаемый Николай Петрович!

Ваше письмо от 17 сентября я получил только 17 октября и спешу ответить и дать вполне откровенный ответ.

Я должен заметить, во-первых, что я никоим образом не могу согласиться с тем, что я не принимаю никакого участия в той научной работе, которая происходила в СССР за эти шесть лет. Достаточно указать, что несмотря на мой возраст и болезнь, которая потребовала операции, я написал книгу, которая, кроме суммирования моих старых исследований содержит очень ценный новый материал, который будет использован в СССР с большой пользой как для новых научных работ, так и для новых технических процессов.

Кроме того, я посылал в химические русские журналы все мои новые исследования одновременно с отсылкой в американские журналы их переводов. За эти годы меня посетили (...) много инженеров и химиков из СССР, которым я давал разъяснения по поводу последних моих работ, опубликованных в американских журналах. Эти мои научные исследования внесли

новую струю в область (химии) углеводов и, безусловно, окажут большое влияние на дальнейшее развитие нефтяной промышленности.

Я прошу Вас также мне дать откровенный ответ, мог ли я в СССР за эти годы совершить ту работу, которую я сделал здесь, имея положительно все к моим услугам и не будучи стеснен никакими планами в своих научных исследованиях.

В моем письме к Ю. Л. Пятакову от 23 октября 1932 г. (копия у меня сохраняется) я кратко напомнил ему, какую работу по организации химической промышленности в СССР я проделал по поручению В. И. Ленина и Ф. Э. Дзержинского, когда она находилась в почти критическом состоянии.

Я напомнил ему также о том положении, в каком я очутился в конце 1926 г., после ничем не объяснимого моего увольнения с поста Председателя научно-технического отдела (ВСНХ). В то время как другие ученые имели в своем распоряжении целые институты, мне приходилось создавать убогую лабораторию в своей квартире на 8 линии Васильевского острова, собирая деньги от ВСНХ (...) и получая ничтожные средства от Академии наук.

По счастью для меня, с разрешения Правительства мне удалось начать с 1927 г. работать в Германии, куда меня пригласили установить свой метод высоких давлений для каталитических реакций.

Успех моих заграничных исследований заставил обратить внимание правительства на условия, при которых протекает моя работа в СССР, желая скорее организовать научную работу под давлением: я значительное количество заработанных денег истратил на закупку в Германии оборудования для моей лаборатории высоких давлений в Академии наук, а также на командирование моих сотрудников, за мой счет, за границу: одного на год* другого на семь месяцев, а третьего субсидировать во время его научных работ в Германии.

* Ученик и ближайший сотрудник В. Н. Ипатьева — Г. А. Разуваев в 1929—1930 гг. совершенствовал образование в Мюнхенском университете в Германии. В 1934 г. он был арестован по ложному обвинению и приговорен к 10 годам заключения. До 1942 г. работал на лесоповале, в 1942—1945 гг. как ссыльный на радиовом заводе. С 1946 г.— профессор Горьковского университета и директор НИИ химии при этом университете (1956—1962 гг.). С 1963 г. директор-организатор Лаборатории стабилизации полимеров АН СССР, а в 1969—1988 гг. возглавлял созданный на базе этой лаборатории Институт химии АН СССР. С 1988 г. до своей кончины 12 февраля 1989 г.— почетный директор Института металлорганической химии АН СССР в Горьком. Был крупнейшим специалистом в области химии металлорганических соединений. Внес выдающийся вклад в изучение свободных радикалов в растворах. Академик АН СССР (с 1966 г.). Герой Социалистического Труда (1969). Лауреат Ленинской (1958 г.) и Государственных премий СССР (1971, 1985 гг.).

*В. Н. Ипатьев с женой Варварой Дмитриевной
в день золотой свадьбы (1942 г.)*

Моя научная и техническая деятельность в течение 13 лет в СССР, как то признают многие, была настолько полезна, что я безусловно, заслужил право в последние годы моей жизни, мне идет 70 год, производить только посильную работу, в обстоятельствах, наиболее благоприятных, тем более, что мое здоровье за последнее время находится в плохом состоянии.

Едва ли где-нибудь я мог бы найти столь льготные условия для моей работы, какие я имею здесь: я могу приходить на работу, когда мне угодно, по неделям я могу отдыхать и мне предоставляется право самому выбирать научные проблемы. Результатами моих работ могут воспользоваться химики и инженеры СССР и применить их для промышленности.

Нельзя отрицать, что всякий ученый работает не только для своей страны, но и для всего человечества. Я люблю свою родину и, творя новые открытия, всегда думал и думаю теперь, что все это принадлежит ей и она будет гордиться моей деятельностью.

Разве имя Мечникова, который более полжизни работал в Пастеровском институте, не произносится с уважением в СССР? Разве не ценятся научные работы и деятельность П. И. Вальдена, который в более раннем возрасте, чем я, стал работать вне СССР, а именно — в Германии, Академия наук, после оставления им СССР, сделала его почетным членом Академии и приветствовала его, когда он приезжал потом в СССР на менделеевский съезд.

Я прошу заявить Президиуму Академии наук, что я не оставляю надежды приехать в СССР, но обстоятельства ныне такие, что я фактически не могу этого выполнить.

Нашему полпреду в Соединенных Штатах А. А. Трояновскому, когда он был у меня, а также при моем посещении его в Вашингтоне, я подробно (...) объяснил, почему я не могу выехать в СССР. Мною подписан контракт (...) и я не могу его нарушить (...). В заключение я считаю по долгу совести уверить Вас, что если бы СССР обеспечил мне гораздо более благоприятные условия, чем я имею здесь, то одно налаживание моего исследования потребовало бы от меня такого громадного напряжения, что в самом скором времени совершенно расшатало бы мое последнее здоровье и я стал бы полным инвалидом.

Весь строй моих идей, связанных тесно с моими сотрудниками и выполняемый ныне в великолепно оборудованной годами лаборатории, будет нарушен и только принесет вред моей исследовательской работе, а следовательно, и науке и технике.

Я надеюсь, что все вышеизложенное должно убедить Президиум и Вас, что вся моя деятельность была направлена на пользу

моей родины (в письме к моему сыну я даю еще тому свидетельство) и те последние силы, которые имеются в моем распоряжении, должны быть использованы рациональным способом в наиболее благоприятных для моего здоровья условиях.

Всякие подозрения относительно моего некорректного отношения к моей родине не должны иметь места или могут только породить у меня тревожные мысли относительно причины моего немедленного возвращения.

Академик В. Ипатьев» [19].

После лишения гражданства СССР Чичибабина и Ипатьева часть их учеников подверглась изгнанию из институтов за связь с «невозвращенцами». Ученик Чичибабина — П. Г. Сергеев с 1938 г. находился в заключении по ложному обвинению, где в спецлаборатории под его руководством группа химиков, также выпускников МВТУ (Р. Ю. Удрис и Б. Д. Кружалов) и выпускник Ленинградского Политеха, ученик Ипатьева — М. С. Немцов разработали метод совместного получения фенола и ацетона через изопропилбензол (кумол), который ныне именуется «открытием века» в области органической технологии. Они были выпущены на свободу лишь в 1946 г., когда потребовалось внедрить метод в производство, что ими и было сделано пуском первого в мире производства в Дзержинске в 1949 г.

Жизнь за рубежом у Ипатьева и Чичибабина, как и на родине, сложилась по-разному, но удивительное сходство заключалось в том, что ни тот, ни другой, не смогли полностью приспособиться к условиям жизни на чужбине.

Ипатьев стал в Америке богатым и весьма известным человеком. Помимо преподавательской деятельности в Чикагском университете и консультирования нефтяных фирм, он состоял также профессором и директором лаборатории катализа и высоких давлений в Нортвэстернском университете в Эванстоне (близ Чикаго). Все заработанные (и немалые) деньги он вкладывал в развитие своей лаборатории в Эванстоне, куда приглашал только русских или американцев, владеющих русским языком. В 1937 г. Ипатьев был назван в США «Человеком года» (будучи выбран среди 1000 человек, заслуживающих этого звания), в 1939 стал членом Национальной АН США. Под броским заголовком «Знаменитый русский ученый в Париже: Академик В. Н. Ипатьев, гость французских и русских ученых», издававшийся на русском языке в Париже еженедельник «Иллюстрированная Россия» за 17 июня 1939 г. сообщал: «На протяжении почти двух истекших недель в Париже состоялся ряд банкетов,

чувствований и приемов, устроенных французскими научными учреждениями в честь прибывшего из Америки знаменитого русского ученого, академика В. Н. Ипатьева. Владимир Николаевич Ипатьев, ныне член Академии наук Северо-американских соединенных Штатов и профессор Чикагского университета, прославился уже более сорока лет тому назад своими открытиями огромной важности касательно каталитических явлений в химических реакциях. Работами ученого теперь пользуются во всем мире. В последнее время он состоит главным консультантом, научным техническим, наиболее обширных нефтепромышленных предприятий Америки. Во Францию Ипатьев прибыл по приглашению Французского Химического Общества, от которого ему была вручена медаль Лавуазье (высшее признание для химиков) на торжественном собрании 25 мая, в котором также приняли участие французское общество промышленной химии и Общество французских и гражданских инженеров. В. Н. Ипатьев был также приглашен в Страсбург, где сделал серию научных докладов и сообщений (...).

В ноябре 1942 г. в США торжественно отмечалось 75-летие Ипатьева, 50 лет его научной деятельности и золотой свадьбы; в память об этом событии была издана книга, содержащая тексты приветствий и речь самого юбиляра «Мои двенадцать лет в Соединенных штатах» [23]. На этом заседании, организатором которого выступило Американское Химическое Общество, Нобелевский лауреат Р. М. Вильштеттер утверждал: «Никогда за всю историю химии в ней не появлялся более великий человек, чем Ипатьев».*

Несмотря на известность и признание при жизни как выдающегося ученого, Ипатьев за долгое время проживания в США продолжал себя чувствовать чужим. Он отказался приобрести для себя удобный коттедж на берегу озера Мичиган (как это сделали все профессора, в т. ч. и эмигранты), не имел автомобиля. С момента приезда в Чикаго до самой кончины он снимал номер в гостинице, жил замкнуто и скромно. Его редкие письма к дочери в Ленинград проникнуты тоской по Родине. «Работая здесь научно, я однако никогда не забывал, что всякое новое достижение приносит также пользу и моей Родине,— писал он в письме от 2 декабря 1945 г.— Хотя мы и не испытывали здесь

* Сам же юбиляр в ответном слове заметил: «Я показывал одному посетителю нашу лабораторию в Риверсайде. Он весьма заинтересовался аппаратом высокого давления и задавал бесконечные вопросы. Когда он уходил, я спросил его безо всякого юмора, слышал ли он когда-нибудь о моей работе до сегодняшнего визита. Он основательно ткнул меня в живот кулаком и сказал: «Да вас каждая собака знает!»

В. Н. Ипатьев. В конце пути (Чикаго, 1951 г.)

холода и голода во время войны, но должен Тебе сказать, что мучительно переживал все начальные военные неудачи нашей Красной Армии, но однако верил, что потенциальная энергия русского народа возьмет свое и он выйдет победителем несмотря на все лишения.» [24]. Чтобы скрасить свое одиночество супруги Ипатьевы удочерили и воспитали двух русских девочек-сирот. Трижды, начиная с 1941 г. Ипатьев предпринимал попытки вернуться в СССР, но получал отказ. Несмотря на преклонный возраст, Владимир Николаевич большую часть своего времени экспериментировал в лаборатории. 29 ноября 1952 г. его не стало. Супруга, Варвара Дмитриевна пережила своего мужа всего на несколько дней, она скончалась 9 декабря.

О пребывании Чичибабина во Франции сохранилось крайне мало сведений. Известно, что супруги Чичибабины жили уединенно и очень скромно, Алексей Евгеньевич несколько раз делал попытки вернуться домой, но болезнь сначала его жены, а затем его самого, помешали этому стремлению, он тихо и незаметно скончался в Париже 15 августа 1945 года. В годовщину его смерти в «Новом журнале», издававшемся в Нью-Йорке на русском языке, описаны последние годы проживания на чужбине А. Е. Чичибабина. «Его тянет на родину, он получает письма от друзей ученых о том, что его помнят и любят в России, что там он нужен. Это было в 1941 г. Грозные тучи собираются на международном горизонте. С ним, лишенным советского гражданства, начинают переговоры о возвращении в СССР. Он не со всем согласен, что там делается, не все одобряет, но теперь не до того. Переговоры не удастся довести до благополучного конца, грянула война и сообщения с Россией отрезаны. Нападение Германии на СССР было для А. Е. тяжелым личным испытанием. Он был уверен, что немцы идут в Россию не для ее освобождения, а для порабощения и превращения в колонию. В тяжелые дни испытаний 1941—42 годов он бывал близок к отчаянию. Чичибабин не мог простить себе, что он не там: он не понимал, для чего ему жить и работать здесь в Париже, когда там в России он нужен... Все эти переживания не могли не отразиться на его уже подорванном организме. Начались недомогания, перешедшие в серьезную болезнь. Месяцами он был прикован к постели и испытывал тяжкие физические страдания. Но он не мог примириться со своей физической немощью, с приступами удушья, с возней с лекарствами. Он хотел бы еще поработать, писать свою незаконченную книгу, дающую обзор всего нового, что сделано в науке за последнее десятилетие, дополняющую классический его курс органической химии; он намечал новые исследования в области синтеза хинина, пиридина. По временам его лицо освещалось доброй улыбкой, когда он узнавал что-нибудь хорошее про Россию. Он мечтал вернуться и чем меньше было на это надежд, тем сильнее ему этого хотелось» [25].

22 марта 1990 г. проходило Общее собрание АН СССР, принявшее постановление «О восстановлении (посмертно в членах Академии наук СССР ученых, необоснованно исключенных из Академии наук СССР», в том числе А. Е. Чичибабина и В. Н. Ипатьева.

Литература

1. О той обстановке, в которой проходило это собрание см.: *Кузнецов В. И.* Превратности творчества академика В. Н. Ипатьева // Репрессированная наука / Под общей ред. М. Г. Ярошевского. Л.: Наука, 1991, с. 367—376.
2. Объединение Мосгорархив (бывш. ЦГАОРСС г. Москвы), фонд 1992, оп. 1, д. 46, лл. 39—40.
3. Государственный архив Российской Федерации, фонд 102 ДП 00, 1910 г. д. 59, Л. А., лл. 142—142 об.
4. *Евтеева П. М.* А. Е. Чичибабин // Тр. ин-та истории естествознания и техники. Т. 18. История хим. наук. М.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 206—256.
5. *Кнуянц И. М.* Лаборатория у Коровьего брода // Хим. и жизнь, 1981, № 6, с. 80.
6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 310, оп. 1, д. 5579. лл. 53—53 об.
7. К 35-летию научной деятельности В.Н.Ипатьева. Л.: Науч. Хим.-техн. изд-во, 1929, с. 37.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 740, оп. 18 (1916 г.), д. 295, лл. 1—6.
9. *Волков В. А., Венский Е. В., Кузнецова Г. И.* Выдающиеся химики мира: Биограф. спр. М.: Высш. школа, 1991, с. 182—183. Список опубликованных работ (399 назв.), а также перечень патентов США, принадлежащих Ипатьеву см. в кн.: *Кузнецов В. И., Максименко А. М.* Владимир Николаевич Ипатьев, 1867—1952. М.: Наука, 1991, с. 174—188.
10. *Волков В. А.* Девиз «Диолефин»: История получения синтетического каучука // Природа, 1978, № 3, с. 45—46.
11. *Волков В. А., Владимиров С. В.* Из истории организации советской науки // Вестник АН СССР, 1977, №11, с. 133—135.
12. *Кузнецов В. И., Максименко А. М.* Владимир Николаевич Ипатьев, 1867—1952. М.: Наука, 1992, с. 68—69.
13. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 3106, оп. 1, д. 175, лл. 7—14 об.
14. *Ипатьев В. Н.* Жизнь одного химика: Воспоминания. Нью-Йорк, 1945, Т. 2, с. 483—484.
15. Архив РАН, ф. 288, оп. 2, д. 369, лл. 6—6 об.
16. Архив РАН, ф. 288, оп. 2, д. 400, лл. 2—2 об.
17. Архив РАН, ф. 288, оп.1, д. 41, лл. 192—193.
18. РГАЭ, ф. 501, оп. 1. д. 64, лл. 19—20.
19. Из переписки. Публикация и комментарии В. А. Волкова // Природа, 1990, №2, с. 78.
20. Архив РАН, ф. 518, оп. 4, д. 8, л. 8.
21. Архив РАН, ф. 518, оп. 4, д. 8, лл. 6—6 об.
22. Там же, лл. 6-об. 11. О ходе переговоров с А. Е. Чичибабиным было информировано высшее руководство страны. Вопрос «О Чичибабине» обсуждался на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 20 апреля, а затем 19 июля 1936 г. постановившем «согласиться с предложением АН СССР о выводе академика А. Е. Чичибабина из состава действительных членов Академии наук СССР» (Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории, ф. 17, оп. 3, д. 979, л. 13).
23. *Ipatieff V. N.* Testimonial in honor of three milestones in career. Chicago, 1942, 74 p.
24. Архив РАН, ф. 941, оп. 1, д. 42, лл. 5—6.
25. *Н. В. П.* Академик А. Е. Чичибабин // Новый журнал. Нью-Йорк, 1946, №12, с. 281—286.